

А.М. УРАЗОВ*

ИРАКСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1958 г. И БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ВАШИНГТОНА

«Американцы на Ближнем Востоке» – казалось бы, однополярный мир уже давно привык к этой данности. Когда стало очевидно, что маленькая «победоносная» война в Ираке весной 2003 г. не только не принесла лавров Вашингтону, но и завела в тупик весь внешнеполитический курс Дж. Буша-мл. на Ближнем Востоке, перед американскими стратегами в очередной раз встала необходимость выработки здесь нового плана действий.

Впервые с подобной проблемой Вашингтон столкнулся полвека назад, когда Иракская революция 1958 г. радикально изменила геополитическую ситуацию в регионе и поставила перед США задачу адаптации американской стратегии на Ближнем Востоке и в зоне Персидского залива к новым условиям.

Тогда, как и сегодня, правящие круги США переживали передачу «иракского досье» из рук республиканцев в руки демократической администрации. И сегодня, когда история вопреки расхожему выражению повторяется отнюдь не в фарсе, представляется чрезвычайно интересным проанализировать события 50-летней давности.

В данной статье автор ставит своей целью исследование политики США в отношении Иракской республики в 1958–1961 гг., а также изменения американского восприятия режима генерала Касема и его места в региональной стратегии Соединённых Штатов в ходе завершающих лет работы администрации Эйзенхауэра и самых первых шагов администрации Кеннеди. Победа демократов привела не только к изменению общего видения внешней политики руководством США, но и к изменению подходов к проблемам Ближнего Востока и зоны Персидского залива в частности, к «иракской проблеме».

Иракская революция июля 1958 г. стала не только для США, но и для СССР тем «незапланированным фактором» ближневосточной политики, который поставил под сомнение всю архитектуру системы безопасности на Ближнем Востоке 1950-х годов и в одночасье сделал потенциально возможным приход в регион Советского Союза, что привело к изменению баланса сил во всей ближневосточной зоне.

* **УРАЗОВ Алексей Михайлович** – аспирант исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Copyright © 2009.

Появление после 14 июля 1958 г. на карте Ближнего Востока радикального по своей сути режима генерала Касема поставило перед американской элитой важный концептуальный вопрос о реакции на Иракскую революцию 1958 г. Администрация Эйзенхауэра должна была понять, как наилучшим образом реагировать на новые реалии огромного ближневосточного региона, как выстраивать взаимоотношения с откровенно антизападным режимом и как обеспечить преемственность условий нефтедобычи на территории Ирака.

В долгосрочной перспективе решение «иракской проблемы» означало определение своего отношения к новым явлениям биполярного мира и включение в концепцию своих государственных интересов действенных методов, позволяющих влиять в нужном для США направлении на ситуацию на Ближнем Востоке. Проблема заключалась в том, что серия кризисных явлений на Ближнем Востоке 1957–1958 гг. продемонстрировала: «чёрно-белая логика» дипломатии Дж.Ф. Даллеса уже не соответствовала реалиям конца 1950-х годов.

После XX съезда КПСС (февраль 1956 г.), в соответствии с решениями которого советское руководство стало всерьёз рассматривать национально-освободительное движение как реальную союзническую силу в мировой политике, стратегическая инициатива в налаживании отношений со стремительно преобразующейся периферией мировой системы перешла к СССР.

Фактически, на глазах правящей элиты США складывалась ситуация, когда советская внешнеполитическая мысль стала концептуально превосходить видение проблем «третьего мира» администрацией Эйзенхауэра. «Отставание» в процессе осмысления международных событий на Ближнем Востоке конца 1950-х годов ощущалось и в направленности ближневосточной «доктрины Эйзенхауэра», «внешнеполитического ответа» администрации республиканцев на серию локальных кризисов на Ближнем Востоке в 1956–1957 годы.

Безусловно, «доктрина Эйзенхауэра», призванная заполнить так называемый «вакуум силы», образовавшийся после официального ухода англичан «к Востоку от Суэца» выполняла эту задачу: большинство стран региона (за исключением ОАР, Саудовской Аравии и Йемена) присоединились к инициативе Соединённых Штатов.

Однако на концептуальном уровне, как подчёркивал на страницах «Форин афферс» видный аналитик Дж. Бэдоу, «администрация Эйзенхауэра не учитывала всего многообразия политических явлений на Ближнем Востоке конца 1950-х годов». Главная проблема заключалась в том, что «базировалась на реалиях региональной системы безопасности, основу которой составлял созданный в 1955 г. под англо-американским руководством Багдадский пакт»¹. Ставшая неожиданностью для американского руководства Иракская революция 1958 г. в одночасье разрушила не только сам Багдадский пакт, но и поставила под сомнение логику всех внешнеполитических действий США в регионе.

Весна – лето 1958 г. стали для Ближнего Востока периодом нарастающей нестабильности. Ливан, где весной 1958 г. резко обострилась внутривосточная обстановка, стал ареной конфронтации двух противоборствующих сил –

¹ B a d e a u J. The Middle East: Conflict in Priorities. – «Foreign Affairs», January 1958, p. 234.

насеровской ОАР, объединившей под властью Каира Сирию и Египет, и Арабской Федерации – консервативного политического блока Ирака и Иордании.

Президент Ливана К. Шамун обратился с жалобой в ООН на вмешательство ОАР во внутренние дела своей страны, но, прибывшая в страну комиссия международных наблюдателей свидетельств тому не обнаружила. Тогда Ливан обратился за помощью к Арабской Федерации, руководство которой решило перебросить на территорию Иордании, ближе к границам Ливана, крупную группировку иракских войск.

Но события приняли совершенно неожиданный оборот: предназначенная для марша в Иорданию группировка иракских военных во главе с бригадным генералом Касемом подошла к Багдаду и осуществила кровавый военный переворот, в ходе которого была физически уничтожена вся правящая верхушка. Монархия была ликвидирована, и провозглашена республика². В Вашингтоне об этом узнали через полчаса после начала государственного переворота. Столь неожиданное событие повергло руководство США в шок. В тот же день новые иракские власти сформировали кабинет правительства, в который вошли сторонники Насера и левые. Премьер-министром стал А. Касем, министром внутренних дел полковник А. Ареф. Кабинет провозгласил курс на сближение с Гамаль Абдель Насером.

Революция в Багдаде означала, что политическая картина на Ближнем Востоке резко изменилась. Уже вечером 14 июля стало понятно, что там возник откровенно антизападный политический режим.

Взаимное дипломатическое признание Ирака и Объединённой Арабской Республики произошло 19 июля, когда стороны подписали Договор о сотрудничестве и обороне. В случае нападения на одну из стран третьей стороны участницы договора обязывались оказать военную помощь³.

СССР и страны Варшавского договора, а также ряд стран «третьего мира» признали новое правительство уже через четыре дня после революции. 18 июля Президиум ЦК КПСС вынес решение «о признании республики и оказании серьёзной политической поддержки новому режиму»⁴.

Внезапно произошедшая Иракская революция оказалась неожиданностью и для членов «консервативного лагеря» Ближнего Востока. Отсутствие осязаемых предпосылок к ней невольно говорило о том, что такой ход событий мог стать универсальным.

Уже 14 июля 1958 г. в Анкаре экстренное совещание проводят неарабские члены организации Багдадского пакта – Афганистан, Иран, Пакистан. Руководство пакта выразило готовность участвовать в разрешении ливано-иракского кризиса, однако, опасаясь резкой реакции СССР (Москва начала показательные военные маневры в Туркменском и Закавказском округах), в качестве санкции для действий ожидало реальных шагов от США⁵.

² Weekly Diary of Important World Events with Index Continually kept up-to-date. – Keesing's Contemporary Archives, vol. X, 1955-1956, London, 1956, p. 560.

³ British and Foreign Papers, 1957–1958, vol. 163, London, 1967, p. 936.

⁴ «Правда», 19.07.1958.

⁵ FRUS, 1958–1960, vol. XII, Near East Region; Iraq; Iran; Arabian Peninsula, Wash., 1993, p. 311.

В тот же день состоялась консультация госсекретаря США Дж.Ф. Даллеса с членами сенатского комитета по международным делам. Было очевидно, что время требовало незамедлительных действий. Однако сенатор У. Фулбрайт отметил, что Соединённым Штатам совсем не нужна большая война с СССР. По мнению Фулбрайта, «советский след» в Иракской революции был не столь очевиден, как может показаться на первый взгляд⁶. 25 июля прошла новая встреча Дж.Ф. Даллеса и А. Даллеса с сенаторами. Основная мысль дискуссии заключалась в том, что «выпадение» Ирака из Багдадского пакта привело к нарушению механизмов безопасности на Ближнем и Среднем Востоке. На фоне кризисной ситуации в Ливане и Иордании Вашингтон не может позволить себе дальнейшую конфронтацию с пронасеровскими силами. Такова была позиция конгрессменов.

Жёсткая критика в адрес республиканской администрации поступала со стороны Демократической партии. «В сложившихся условиях нам недостаточно взывать к Багдадскому пакту и “доктрине Эйзенхауэра”. Нам нужно выработать принципиально новый подход, выходящий за границы языка “холодной войны”. Только так мы сможем привлечь неприсоединившиеся страны, наладить эффективное сотрудничество и избавить арабский мир от антиамериканских страхов»⁷, – подчёркивал сенатор Дж. Кеннеди.

Через неделю посол США в Ираке Галлман в беседе с представителем иракского Министерства иностранных дел Джумаром на вопрос о перспективах сотрудничества Ирака и стран Багдадского пакта услышал весьма жёсткий по форме и крайне неприятный по сути ответ: «Пакт был заключён от имени Ирака по поручению небольшой кучки людей. Пакт никогда не имел широкой поддержки в народе и не получил одобрения народа»⁸.

Вместе с тем осознание необратимости политических изменений в Ираке диктовало тактику действий американской стороны. Уже 30 июля во внутренней переписке Белого дома и Государственного департамента фигурировала информация о том, что руководством страны было принято политическое решение о признании нового правительства в Ираке⁹. США и Британия признали новое иракское правительство Касема 2 августа 1958 г., а король Иордании Хусейн официально отказался от претензий на главенство в Арабской Федерации, которая просто перестала существовать¹⁰.

С этого момента Вашингтон начинает проведение регионального внешнеполитического курса в качественно новых условиях. Осенью 1958 г. перед США встала проблема поиска иного политического модуса в регионе, включая и новый идеологический подход к диалогу с ближневосточными элитами. События Ливанского кризиса 1958 г. продемонстрировали, что «доктрина Эйзенхауэра» могла рассматриваться лишь как временный инструмент действия Вашингтона в регионе.

⁶ Ibid., p. 225.

⁷ Kennedy's Exchange with Undersecretary of State Christian Herter. – U.S. Senate Committee on Foreign Relations, 16.07.1958, pp. 10, 550–552.

⁸ FRUS, 1958–1960, vol. XII, Near East Region..., pp. 212–213.

⁹ Ibid., p. 334.

¹⁰ «The Times», 3.08.1958.

23 декабря 1958 г. ЦРУ опубликовало важный с точки зрения выработки внешнеполитического курса США секретный доклад «Основные характеристики и тенденции в политике СССР, 1958–1963 гг.» В нём аналитики ЦРУ говорили о новом «дипломатическом стиле» Москвы. Такая постановка проблемы, по мнению экспертов, была обусловлена не только личным стилем Н.С. Хрущёва, но и объективными тенденциями в международных отношениях тех лет. «За вторую половину 1950-х годов СССР выработал гораздо более гибкий механизм реагирования на новые явления международной жизни. В настоящее время для СССР на карте мира нет “тёмных зон”». В этом смысле после 1955 г. (начало поставок вооружений членами ОВД в регион) Ближний Восток стал для Советского Союза зоной «особого внимания»¹¹. Именно в этом регионе Москве предоставлялся шанс реализовать один из своих внешнеполитических приоритетов – укрепление линии разрыва в некоммунистическом мире, конечной целью которого должна была стать дискредитация США и стран Запада в глазах «третьего мира».

Наряду с безусловным укреплением военной мощи, подчёркивалось в докладе, СССР намерен и впредь делать акцент на идеологической сфере международных отношений. Расчёт на поддержку формально некоммунистических, но антизападных националистических режимов в период 1955–1958 гг. в борьбе с Западом показал свою безусловную эффективность¹². По данным ЦРУ, с января 1954 по июнь 1958 г. Москва выдала странам региона в качестве кредитов порядка 1,2 млрд. долл. (Сирии, Египту, Йемену), что по сравнению с 2 млрд. долл. для стран Варшавского блока за этот же период представляется очень серьёзным финансовым инструментом в действиях СССР.

Новой тенденцией в политической жизни региона стало усиление в риторике националистических режимов Сирии и Ирака социалистических нот¹³. Эти региональные тенденции давали аналитикам ЦРУ право рассчитывать на то, что уже в скором времени «нейтралистский» вектор развития ОАР во главе с Насером мог прийти в противоречие со стремлениями Москвы. По мнению авторов доклада ЦРУ, в среднесрочной перспективе это могло стать одной из основных характеристик политического процесса на Ближнем Востоке.

Выстраивая политические и экономические отношения с новым иракским правительством, американское руководство было вынуждено исходить не только из совершенно новых установок иракского руководства, но и адаптировать свои прежние политические и оборонные интересы в отношении Ирака к новой политической реальности.

В июле – декабре 1958 г. в рамках внутриминистерской переписки высокопоставленные сотрудники Государственного департамента не раз заявляли о том, что после свержения режима Нури Саида Багдадский пакт стал мёртвой структурой. Однако в Вашингтоне вплоть до декабря 1958 г. не теряли надежд на то, что ирако-американские отношения, пусть даже с революционным режимом генерала Касема, останутся позитивными. Основой для такого рода

¹¹ CIA Papers. Main Trends in Soviet Capabilities and Policies, 1958–1963, 23.12.1958, p. 54.

¹² Ibid., p. 57.

¹³ Ibid., p. 59.

рассуждений являлась продолжавшееся даже после революции 14 июля сотрудничество иракского правительства и западных нефтяных ТНК.

К июлю 1958 г. на территории Ирака работал крупнейший нефтяной добытчик и транзитный оператор «Ирак петролеум компании». К концу 1950-х годов уровень нефтедобычи в Ираке равнялся 32 тыс. т в год и был третьим по абсолютным показателям после Кувейта и Саудовской Аравии¹⁴. Американская сторона, наряду с британцами, французами и голландцами, владела 27,5% акций концерна¹⁵.

В итоге экономическая конъюнктура мирового нефтяного рынка заставляла Белый дом действовать быстро. Уже 4 августа заместитель госсекретаря К. Гертер отправляет в Багдад телеграмму, в которой настаивает на скорейшем налаживании отношений с революционным Ираком. По мнению высокопоставленного чиновника, американская сторона должна была добиться преемственности отношений в двух принципиальных вопросах – беспрепятственном осуществлении экспорта иракской нефти и скорейшем налаживании тесных политических связей¹⁶.

В Вашингтоне понимали, что находятся в менее выигрышной, чем СССР позиции – внутри Ирака продолжала нарастать волна антиамериканских настроений. Об этом сотрудники американского посольства в Ираке постоянно сообщали в Вашингтон. 22 августа 1958 г. на имя госсекретаря Дж.Ф. Даллеса поступила докладная записка директора аналитического департамента ЦРУ Хага Камминга, в которой сотрудник разведки отмечал многоплановую природу антизападных настроений в Ираке: «Антиамериканская волна усиливается. Речь идёт не только о настроениях улицы – мишенью официальной пропаганды стали проамериканские режимы Ливана и Иордании»¹⁷.

Вместе с тем реальная политическая картина Ирака в первые месяцы после революции 14 июля не была столь однородной. В тот же день Х. Камминг направляет на имя Дж.Ф. Даллеса другую аналитическую записку, в которой даёт анализ расклада политических сил. Главный вывод документа – в Ираке существует значительная оппозиция генералу Касему, и Соединённые Штаты обязаны воспользоваться этой возможностью, дабы переломить ситуацию.

Спустя лишь месяц после революции внутри правящей верхушки Ирака начал назревать властный конфликт двух групп – крайне левой группы президента Касема и группы пронасеровских арабских националистов во главе с премьером Арефом. Основными в этих условиях, по мнению Камминга, были вопросы о роли Насера и агентов египетского влияния в Ираке, а также о позиции армии, настроения в которой после революции 14 июля были неясны. «В условиях усиливающейся нестабильности Ирак может двинуться в любом направлении»¹⁸, – подчёркивал сотрудник ЦРУ.

¹⁴ «The U.S. News and World Report», 10.07.1961, p. 74.

¹⁵ M i k d a s h i Z. Towards Maximizing Oil Revenues with Special Reference to Transit Countries of the Middle East – «Middle East Economic Papers», 1961, pp. 64–65.

¹⁶ FRUS 1958–1960, vol. XII, p. 336.

¹⁷ Ibid. p. 337.

¹⁸ Ibid. p. 338.

Август – сентябрь прошли под знаком жёсткой закулисной борьбы внутри иракского правительства. 25 сентября 1958 г. ЦРУ представил Совету национальной безопасности доклад, в котором сообщалось о том, что внутривластительственное противостояние достигло своей наивысшей точки.

Первого октября конфликт разрешился победой группы Касема – из состава правительства был выведен премьер-министр Ареф и два его ближайших соратника. Это означало, что отныне Ирак будет проводить не зависимую от Каира внешнюю политику. Для Госдепартамента эта новость означала, что Ирак «освободил руки не только для спора с Насером, но и свободен для любых отношений с Москвой»¹⁹.

На фоне этих заявлений иракской стороны 14 октября в Вашингтон приходит обширная докладная записка посла США в Ираке Голлмана, в которой дипломат даёт характеристику общественно-политической и экономической обстановке в Ираке. Он констатирует, что после исключения из кабинета Арефа власть в стране всецело перешла к группе Касема и его сподвижников. Но в том же документе содержатся, казалось бы, сенсационные утверждения: «Окружение Касема и сам генерал лично представляет собой группу явно антикоммунистических политиков. Вытеснение из кабинета Арефа и баасистских политиков не привело к усилению явно коммунистических сил»²⁰.

В сложившейся обстановке главную угрозу для режима Касема, по мнению американского дипломата, представляло курдское движение во главе с вернувшимся на родину из СССР муллой Мустафой Барзани²¹. К концу 1950-х годов курдская проблема стала приобретать для внутренней политики Ирака первостепенное значение. По данным ЦРУ, к 1958 г. курдское меньшинство Ирака составляло почти 18% (1,26 млн. человек) общего населения республики²².

Опасения сотрудников Госдепартамента были также небеспочвенны ещё и потому, что после Июльской революции советское влияние в Ираке действительно стало заметно расти. В августе 1958 г. СССР и Иракская республика заключают новое торговое соглашение²³.

Положение администрации Эйзенхауэра ещё больше осложнилось, когда в результате выборов 4 ноября 1958 г. Республиканская партия вновь не добилась большинства мест в Конгрессе. В условиях кризиса ближневосточной политики администрации Эйзенхауэра и усиления критики со стороны Демократической партии результаты выборов делали односторонние шаги администрации республиканцев на Ближнем Востоке без учёта мнения Конгресса фактически невозможными. Так, уже 10 ноября лидер сенатского большинства, демократ Л. Джонсон заявил на страницах влиятельного еженедельника «Тайм»: «Ситуация, когда заявления президента и реальность разнятся, а голоса сенаторов игнорируют – более неприемлема»²⁴.

¹⁹ Ibid., p. 341.

²⁰ Keesing's Contemporary Archives, vol. XI, November 1958, Iraq, p.16520.

²¹ FRUS 1958–1960, vol. XII, Near East Region..., p. 347.

²² CIA Papers. National Intelligence Survey. Iraq. Section 41. Population. Wash., 1957, p. 41-1.

²³ «Правда», 25.08.1958.

²⁴ «Time», 10.11.1958.

К концу декабря 1958 г. политическая ситуация в Ираке заметно накалилась. Как писали сотрудники ЦРУ, фактически «стороны подошли к точке невозврата»²⁵.

18 декабря Совет национальной безопасности публикует аналитическую записку «О необходимости скорейших действий Соединённых Штатов в сложившейся политической обстановке в Ираке»²⁶. Данный документ стал фактическим отображением политической ситуации, сложившейся в регионе зимой 1958 года.

Согласно данным этого документа, к концу 1958 г. Ближний Восток превратился в арену борьбы США и СССР в регионе. Региональные лидеры, в свою очередь, обладали амбициями и возможностями для того, чтобы стать политическими лидерами всего арабского Востока. В приложении к этому меморандуму говорилось, что незадолго до этого в Вашингтон из американских посольств в Каире и Багдаде поступили две телеграммы. Обе содержали практически аналогичные сигналы – Касем был убеждён, что за подготовкой волнений на севере Ирака стоял Насер. Руководство Египта, в свою очередь, говорило о том, что революционный Ирак пытался использовать Сирию с целью подрыва единства ОАР. Более того, американские источники в Каире сообщали, что в сложившихся условиях США и Египет решают одну и ту же проблему – недопущение в регионе советского влияния²⁷.

Ситуация без преувеличения складывалась неожиданная – желая пресечь любые попытки Касема усилить позиции Ирака в регионе, Насер начал дипломатические заигрывания с Вашингтоном.

22 декабря в рамках подготовки материалов к очередной встрече СНБ заместитель госсекретаря по вопросам ближневосточного региона У. Роунтри готовит меморандум на имя исполняющего обязанности госсекретаря Диллона, в котором констатирует резкий рост коммунистических сил внутри Ирака. По мнению дипломата, «уровень угрозы для пронасеровских сил и других некоммунистических сил Ирака в текущий момент критический». В этих условиях, подчёркивал он, «по-прежнему остаётся неясным, является ли Касем «игрушкой» в руках коммунистов или же действия генерала Касема – это пример прагматичного подхода в отношениях со сверхдержавами?»²⁸. Роунтри не скрывал, что «американская сторона была объективно заинтересована в смене режима в Ираке» как минимум на более умеренного политика из лагеря Насера²⁹. Важно также обратить внимание и на оценку Соединёнными Штатами позиции египетского руководства. Американская сторона констатировала, что шаги Насера по сближению с США – это ни что иное как реакция на заметно испортившиеся отношения с СССР: официальный Каир не только пошёл на заключение контрактов на поставки зерна и горючего из США, но даже еги-

²⁵ FRUS 1958–1960, vol. XII, p. 353.

²⁶ Ibid., p. 363.

²⁷ Ibid., p. 364.

²⁸ Ibid. p. 368.

²⁹ Ibid. p. 369.

петские СМИ и средства пропаганды заметно усилили критику в адрес Москвы, стали говорить о коммунистической угрозе для арабского мира.

23 декабря в Белом доме при участии президента Д. Эйзенхауэра, вице-президента Р. Никсона, главы ЦРУ А. Даллеса, исполняющего обязанности госсекретаря США К. Гертера и других сотрудников Госдепартамента проходит заседание СНБ, на котором американское руководство попыталось выработать свою стратегию в отношении режима Касема и перспектив решения «иракской проблемы». Речь фактически шла не только о сильном влиянии на Касема иракских коммунистов и Москвы³⁰; американское руководство также признавало необходимость тактического сближения с Насером, однако наиболее благоприятным вариантом для долгосрочных интересов США в регионе оно считало необходимость не только решить иракскую проблему руками египтян, но «просто столкнуть Насера и Касема лбами»³¹.

Располагая информацией о намерениях Насера «задавить любые коммунистические нотки революционного режима Касема», американская сторона предпринимает попытку смоделировать возможные сценарии развития событий вокруг Ирака. В новой ситуации в Вашингтоне всерьез рассматривали перспективы сотрудничества с режимом Насера, дабы «удержать Ирак от скатывания к коммунизму»³². Вместе с тем, американские аналитики говорили и о ряде других проблем. Во-первых, если выгоды от тактического сближения с Египтом выглядели очевидными, не совсем ясно было, как такой шаг мог повлиять на долгосрочные интересы США на Ближнем Востоке и в зоне Персидского залива. Во-вторых, американская сторона всерьез опасалась, что в случае оказания давления на режим Касема, могут не только последовать репрессии в отношении проегипетских сил внутри Ирака, но и возможен окончательный переход Ирака в советский лагерь.

В сложившейся обстановке американское руководство стремилось понять истинные намерения Москвы в отношении Ирака. Попытка поставить все точки над «i» была предпринята в середине января 1959 г., когда в Вашингтон с официальным визитом прибыла советская делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПСС А.И. Микояном.

Утром 16 января в стенах Государственного департамента состоялась закрытая встреча сторон, где наряду с общими проблемами советско-американских отношений был затронут и вопрос о положении революционного Ирака в регионе³³. Представлявший американскую сторону госсекретарь Дж.Ф. Даллес выразил обеспокоенность Вашингтона по поводу действий СССР в регионе и революции в Ираке в июле 1958 г. в частности. Глава советской делегации А.И. Микоян, в свою очередь заявил, что спецслужбы стран Багдадского пакта без сомнения располагают достоверными сведениями о том, что никакого вмешательства советской стороны в события 14 июля 1958 г. в Ираке

³⁰ Ibid., p. 375.

³¹ Ibidem.

³² Ibid., p. 366.

³³ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи. Стенограммы. Постановления, т.1., № 186, Протокол № 203. М., 2004, с. 345.

не было, и это исключительно воплощение воли иракского народа. В итоге стороны не нашли взаимопонимания.

Новый виток кризисных явлений внутри Ирака не заставил себя долго ждать. 7 февраля 1959 г. шесть министров кабинета этой страны, добровольно покинув свои посты, продемонстрировали тем самым открытый демарш в отношении курса Касема. Все они принадлежали к антикоммунистическому крылу иракских политиков³⁴.

Очевидно, что эта группа внутри кабинета Касема намеревалась спровоцировать острый правительственный кризис, нарушив паритет на политической сцене Ирака, и, возможно, сместить правительство Касема. Расчёт был простым – потеряв поддержку со стороны гражданских сил иракского общества, Касем станет лёгкой добычей для своих конкурентов как с правого, так и с левого флангов политического фронта Ирака. Как ожидали американские аналитики, обновление кабинета Касема должно было вызвать крайне отрицательную реакцию со стороны ОАР и лично Насера.

В начале марта 1959 г. отношения между Ираком и ОАР действительно резко обострились. Основной импульс критики исходил от официального Каира, обвинившего Ирак в распространении в регионе коммунизма и прямого советского влияния³⁵. Реально Насер был готов пойти на «изменение иракской ситуации» даже в том случае, если это грозило ему ещё большим ухудшением отношений с Москвой.

Американская же сторона стала в действительности опасаться, что советское влияние в Ираке окрепло настолько, что СССР будет готов пойти на открытую конфронтацию с западными странами, если те захотят вернуть своё влияние на Ирак силовым способом.

Укрепление просоветской линии Касема, по мнению аналитиков ЦРУ, могло поставить под угрозу не только интересы США в Ираке, что было и так очевидно, но и создать серьёзные проблемы для всех стратегических построений США в регионе Ближнего Востока и Персидского залива. В первую очередь речь шла о возникновении угрозы сопредельным с Ираком странам-союзницам США: Саудовской Аравии, Иордании, Кувейту. Усиление позиций Касема в регионе означало и возможность пересмотра зон контроля над нефтесырьевой добычей в районе Персидского залива, главным образом в Кувейте, где практически все концессии находились в совместном пользовании англо-американских картелей.

24 марта 1959 г. Ирак официально объявил о выходе из организации Багдадского пакта³⁶. Это событие институционально закрепило перерождение Багдадского пакта в новую организацию. Совет организации Багдадского пакта, перемещённый из Багдада в Анкару, 21 августа 1959 г. переименовал организацию в СЕНТО (Организация Центрального договора)³⁷.

³⁴ FRUS, 1958–1960, vol. X, Eastern Europe Region, Soviet Union, Cyprus, Wash., 1993, p. 378.

³⁵ Ближневосточный конфликт 1957–1967, т. 2, М., 2003, с. 267.

³⁶ Weekly Diary of Important World Events, with Index Continually kept up-to-date. – Keesing's Contemporary Archives, vol. XII, 1959. London, 1960, p. 188.

³⁷ Treaties and Alliances of the World. A Survey of International Treaties in Force and Communities of States. – Keesing's Publications Ltd. Keynshai Bristol, 1968, p. 128-3.

Уже осенью 1959 г. Вашингтон определяет свой статус в СЕНТО. 11 сентября Госдепартамент официально заявил, что США не намерены присоединяться к оборонному Совету в рамках СЕНТО. После Иракской революции 1958 г., распада Багдадского пакта, а вместе с этим провала попытки западных держав вписать в свои оборонительные построения на Ближнем Востоке динамичный феномен арабского национализма ценность участия в структуре СЕНТО с точки зрения участия в «арабских делах» Ближнего Востока перестала существовать.

Вашингтон продолжил возникшую в середине 1950-х годов линию построения системы двусторонних договоров с лояльными США странами региона – Турцией, Саудовской Аравией, Ираном, Иорданией, Афганистаном – что не только не связывало его союзническими узами со стремительно ослабевающей Великобританией, но и фактически укрепляло исключительно американскую политическую линию ещё в одном регионе периферии биполярной системы.

Официальное упразднение организации Багдадского пакта автоматически означало и расторжение британско-иракского соглашения от 5 апреля 1955 г., в соответствии с которым Великобритания имела на иракской территории две базы ВВС. 30 мая 1959 г. последний британский солдат покинул Ирак. В тот же день были денонсированы три соглашения Ирака с США об оказании военной помощи, поставках вооружений, а также об оказании экономической помощи по программе «доктрины Эйзенхауэра»³⁸. Эти события подвели черту под усилиями администрации Эйзенхауэра закрепить на Ближнем Востоке во второй половине 1950-х годов.

Ирак находился в центре мировой политики летом 1959 г. 14 июля 1959 г., спустя год после революции в Ираке, на севере страны произошло антиправительственное восстание курдов, во главе которых стояла группа коммунистов. Конфликт перекинулся на южную границу Турции, где имела место серия военизированных столкновений. Локализовать его удалось силами иракской революционной армии, и уже к 18 июля восстание, в ходе которого погибло более 150 человек, было фактически потоплено в крови.

«Киркукское восстание», как его стала называть пресса, стало «водоразделом», после которого действия Вашингтона в отношении режима Касема приобрели большую стратегическую осмысленность.

21 июля 1959 г. в докладной записке, подготовленной аппаратом президента Эйзенхауэра, говорилось: «Произошедшие в провинции Киркук трагические события – это результат не только многовекового противостояния курдского, туркоязычного и арабского населения, это качественно новое событие в борьбе коммунистических и антикоммунистических сил Ирака за власть в стране»³⁹.

Спустя неделю после этих событий, 26 июля 1959 г., с визитом в СССР прибывает вице-президент США Ричард Никсон. На состоявшихся в Огарёве переговорах он задаёт Н.С. Хрущёву вопрос о его отношении к курдским волнениям на севере Ирака. Хотя Хрущёв и ответил, что ему ничего не известно

³⁸ Goktepe C. The Forgotten Alliance. Anglo-Turkish Relations and CENTO (1959–1965). – «Middle Eastern Studies», London, 1999, vol. 35, № 4, p. 5.

³⁹ FRUS, vol. XII, Near East Region, p. 473.

о волнениях на севере Ирака, советское руководство не могло не знать о случившемся. И главное, эти кровавые события, в ходе которых были физически уничтожены в том числе иракские коммунисты, лишний раз давали Москве повод задуматься о прочности отношений с генералом Касемом⁴⁰.

Сразу после киркукских событий июля 1959 г. в докладных записках американского посольства в Ираке начинает доминировать информация о росте антикоммунистических настроений в верхах иракского правительства. Вместе с тем, посол Джиринган подчёркивает, что подавление восстания на севере Ирака стало для генерала Касема своего рода точкой невозврата, после которой иракский лидер предпочёл развивать типично авторитарную модель⁴¹.

На фоне этой информации американский посол, тем не менее, подчёркивал, что волна антиамериканизма в Ираке пошла на спад. Касем, убедившись, что основная угроза для него исходила от внутренних, а отнюдь не внешних сил, отказался от термина «американские империалисты».

Внутриполитическая ситуация в Ираке действительно была не спокойной. 10 сентября глава ЦРУ А. Даллес информирует президента Эйзенхауэра, что усиление антикоммунистических сил Ирака, в первую очередь в армии, может привести к невыгодному для США сценарию развития. Пытаясь упредить усиление антикоммунистов, Касем невольно сохранил неприкосновенной Компартию.

Попыткой найти общий язык с руководством Ирака для США стали переговоры на уровне глав внешнеполитических ведомств, прошедшие в Нью-Йорке в дни ежегодной сессии Генеральной Ассамблеи ООН (17–22 сентября 1959 г.). 21 сентября при закрытых дверях проходит встреча госсекретаря США и министра иностранных дел Ирака Хашима Джавада, на которой стороны обсуждают характер взаимоотношений за прошедший после Июльской революции год. Иракский министр заверил американскую сторону в том, что «иракское правительство не покраснеет», так как грядущие выборы в парламент республики в январе 1960 г., должны были, по мнению Джавада, «упорядочить всю политическую картину Ирака». Но главное, министр подчёркивал, что «Багдад не получает и не собирается получать никакой технической помощи со стороны Москвы»⁴².

Как свидетельствуют документы Госдепартамента, заявления из уст высокопоставленного иракского чиновника показались американской стороне без преувеличения неожиданными. Впрочем, вряд ли можно считать слова иракского министра «игрой втёмную». Речь могла идти лишь о попытке тактического маневрирования и желании Багдада пресечь какие-либо усилия со стороны США повлиять на ход январских выборов в Ираке.

Между тем в Ирак продолжали прибывать гражданские служащие из СССР. Москва наращивала темпы сотрудничества с Багдадом в сфере атомной энергетики и гражданского авиастроения. Учитывая возможность быстрой ре-

⁴⁰ Campbell J. The Soviet Union and the Middle East: In the General Direction of the Persian Gulf; Part 2. – «Russian Review», vol. 29, № 3, July 1970, p. 254.

⁴¹ FRUS, vol. XII, Near East Region..., pp. 475, 477, 478.

⁴² Ibid., pp. 481, 483.

конверсии в этих секторах промышленности, присутствие СССР в Ираке начинало приобретать всё более ощутимые формы.

Тем не менее, внутренний статус-кво в Ираке оставался очень зыбким и мог быть нарушен в любой момент. 7 октября 1959 г. в Багдаде происходит очередное покушение на генерала Касема, в результате которого глава Ирака был ранен. Вечером этого же дня он обращается к нации с речью, в которой призывает сохранять спокойствие и рассудительность. И хотя покушение явно не удалось, оно могло повлечь за собой расправу над политическими оппонентами Касема, вне зависимости от их реального участия в этом событии. Для американской стороны, это могло означать воплощение самых страшных прогнозов – а именно упразднение националистов, и неизбежное усиление Компартии Ирака. Вплоть до начала ноября в Вашингтон продолжали поступать сообщения о тяжелом состоянии здоровья генерала Касема. 10 ноября, в день, когда он официально покинул госпиталь, генерал провёл шестичасовую пресс-конференцию, которая превратилась в публичную атаку на националистические силы Ирака. Касем фактически прямо обвинил этих политиков в содействии киркукским волнениям июля 1959 года⁴³.

По мнению участников проходившего 19 декабря в Вашингтоне заседания СНБ, заявление Касема могло стать прелюдией к гражданской войне в Ираке. В таких условиях руководство США предпринимает попытку сформулировать тактику действий в отношении ситуации в Ираке, и возможных последствий её дестабилизации для всего ближневосточного региона.

К началу 1960 г. стало очевидно, что администрация Эйзенхауэра столкнулась не только с локальными проблемами на периферии – обозначился кризис в подходах к проблемам региона в целом. В правящих кругах США начали нарастать реформистские настроения – в Белом доме и Госдепартаменте усилились настроения в пользу выработки более действенных и разносторонних методов отстаивания американских интересов в любой точке мира, в том числе в зоне Ближнего Востока и Персидского залива.

Ведущее место среди вариантов активизации политики США на периферии занял в тот момент проект заместителя госсекретаря по экономическим проблемам Диллона. Согласно этому плану США должны были переместить основной акцент с активных военно-политических действий на внешней арене на экономическую сферу. «Соединённые Штаты, – писал в этом контексте обозреватель «Нью-Йорк таймс» Сульцбергер, – приняли ныне советский вызов на эпоху конкурентного сосуществования, во время которой будет возрастать акцент на экономическом соревновании за завоевание идеологической привязанности развивающихся районов»⁴⁴.

В начале марта 1960 г. в рамках Госдепартамента создаётся рабочая группа по Ираку, задачей которой является выработка чёткой внешнеполитической линии США в отношении ситуации в Ираке. 18 марта глава рабочей группы констатирует, что «в текущих условиях вялой нестабильности Вашингтону следует придерживаться в отношении Ирака политики “дружбы и

⁴³ «The New York Times», 11.11.1959.

⁴⁴ Ibid., 20.01.1960.

невмешательства". Неясность позиции Касема, реальных возможностей коммунистических сил и националистов на фоне кризиса иракской экономики делает вероятной скорую смену власти в Ираке, что позволяет Соединённым Штатам занять выжидательную позицию»⁴⁵.

Президенту Эйзенхауэру был представлен обширный доклад, в котором излагался анализ развития ситуации в Иракской республике за полтора года, прошедшие с момента революции 1958 г. Главный вывод доклада заключался в наличии в Ираке двух тенденций – быстрого ослабления позиций генерала Касема и стремительного укрепления Компартии Ирака. Реальный баланс политических сил внутри Ирака по-прежнему оставался загадкой для Вашингтона. На фоне сообщений о стремительном росте коммунистического влияния на Касема 7 апреля в Вашингтон приходит информации о серии казней в Багдаде членов Компартии Ирака. По мнению аналитиков СНБ, такой шаг генерала Касема говорил о том, что чаша весов в выборе опоры своего режима внезапно качнулась в пользу армии, где значительная часть офицерства, придерживалась откровенно антикоммунистических взглядов.

В этих условиях Москва предпринимает решительные меры по изменению ситуации в Ираке. 8 апреля в Багдад с официальным визитом прилетает член Политбюро А.И. Микоян, который в ходе переговоров предлагает иракской стороне программу долгосрочного экономического сотрудничества⁴⁶. В условиях политической нестабильности в Ираке эта инициатива выглядела, как «покупка» лояльности Багдада.

Новый шаг СССР вызвал явную обеспокоенность в Вашингтоне (по данным американской стороны к экономическому пакету прилагалось и военное досье о поставках в Ирак советских истребителей МИГ-19): «Советы обыграли нас в Ираке», – сообщал из Багдада посол Джерниган⁴⁷.

На 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке между американской и иракской делегациями состоялись переговоры, в ходе которых стороны обменялись взглядами на перспективы американо-иракских отношений. Представлявший Ирак министр иностранных дел республики Х. Джавад, высказал надежду на возможность изменения негативного имиджа США в глазах рядовых иракцев. «К тому же, – добавил он, – у руководства Ирака уже не осталось иллюзий относительно причин резкой активизации интереса советской стороны. Теперь мы знаем, что такое советский дипломатический стиль»⁴⁸. Высказывания Х. Джавада – при всей их смелости – не были расценены в Вашингтоне, как серьёзная критика действий СССР в отношении Ирака. Отсутствие прямых директив из Белого дома давало повод думать, что республиканская администрация начала утрачивать вкус к «борьбе за Ирак».

На внутривластной сцене США давление на республиканцев со стороны демократов продолжало усиливаться. Ещё в ходе борьбы за пост кандидата

⁴⁵ FRUS, vol. XII, Near East Region..., p. 506.

⁴⁶ «Правда», 8.04.1960.

⁴⁷ FRUS, vol. XII, Near East Region..., p. 511.

⁴⁸ Ibid. p. 516.

от Демократической партии сенатор Дж. Кеннеди уделял большое внимание вопросам внешней политики.

Выступая 15 июля 1960 г в Лос-Анджелесе на конвенте Демократической партии уже в статусе официального кандидата партии, Дж. Кеннеди заявил: «Мир стал другим. Баланс сил в мире меняется, и мы не сможем идти старым путём. Коммунистическое влияние уже проникло в Азию и уже укрепились на Ближнем Востоке. Наши друзья превратились в нейтральных игроков, а некоторые из них скатились к прямой враждебности»⁴⁹.

Высказывания кандидата от демократов Кеннеди не были простой предвыборной риторикой. Сам факт, что Дж. Кеннеди уделил внимание проблемам Ближнего Востока в речи, адресованной в первую очередь внутренней аудитории, говорил о многом: пересмотр ближневосточной политики США в случае прихода в Белый дом администрации Кеннеди, должен был стать одной из основ для активизации общей линии США на мировой арене. Эта логика, названная чуть позже «доктриной новых рубежей» нашла отображение в платформе Демократической партии, опубликованной 11 июля 1960 года.

Главным, по мнению стратегов Демократической партии, была необходимость отойти от догм в выборе внешнеполитических союзников – им мог стать любой «некоммунистический» режим «третьего мира». Соединённым Штатам предстояло перехватить инициативу у СССР, поэтому было необходимо изменить сложившийся за восемь лет республиканского правления имидж США как «воинственного ковбоя». Конкретным решением этой проблемы, по мнению демократов, могла быть перестройка логики сотрудничества от сугубо военной в сторону налаживания специальных программ торгово-экономической и гуманитарно-образовательной помощи⁵⁰.

За несколько дней до проведения президентских выборов в США, ЦРУ предоставляет руководству страны перспективный доклад, в котором излагаются рекомендации к внешнеполитическим действиям в отношении Ирака. Во вступлении говорилось, что «содержание доклада описывает возможную стратегию США на 1961–1962 гг.» В определённом смысле эти аналитические материалы можно считать сжатым описанием того внешнеполитического «наследия», которое администрация Эйзенхауэра оставляла своим приемникам.

По мнению аналитиков ЦРУ, правящий в Ираке режим находился в тупике – в течение года Касем будет смещён со своего поста, вероятнее всего, в результате военного переворота во главе которого будет стоять группа офицеров-националистов⁵¹.

Приняв чрезвычайно жёсткие меры в ходе подавления антиправительственного восстания курдов в Киркуке (июль 1959 г.), генерал Касем фактически лишил себя возможности найти общий язык с какой-либо другой политической силой Ирака, кроме Компартии. Политическая и экономическая помощь со стороны Советского Союза не давала ему возможности для какого-либо по-

⁴⁹ Kennedy J. Address Accepting the Democratic Presidential Nomination.

⁵⁰ Democratic Party Platform of 1960, p. 3 (<http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=29403>).

⁵¹ FRUS, vol. XII, Near East Region, p. 17.

литического манёвра. Осознав сложность своего положения, Касем заметно снизил градус критики в адрес США.

Ирак стоял на грани изоляции в отношениях с региональными игроками как из националистического, так и из консервативного лагерей. Отношения с насеровским Египтом прошли полный цикл: от чрезвычайно позитивных до состояния «холодной войны»; консервативная Иордания продолжала рассматривать перспективы монархической реставрации в Ираке дома Хашимитов. В этих условиях молчаливую поддержку ей оказывали Иран, Саудовская Аравия и Ливан⁵².

Вашингтон не собирался идти на конфронтацию с Багдадом. Анализируя заявления иракской стороны, сделанные министром иностранных дел Ирака в октябре 1960 г. в ходе американо-иракских переговоров в Нью-Йорке, специалисты Госдепартамента видели потенциальную возможность для улучшения американо-иракских отношений в первую очередь за счёт предоставления американской стороной прямой экономической и гуманитарной помощи Ираку, если Багдад выразит на то свое желание⁵³. Фактически речь шла о смещении акцента в отношениях с Ираком с позиций «жёсткой силы», на позиции «силы мягкой».

Такая постановка вопроса была знаком «новых веяний», проникших в экспертную среду сотрудников Госдепартамента с приходом в Белый дом демократической администрации Кеннеди. Вступая в должность, Кеннеди формирует свою команду: государственным секретарем США становится «ястреб» Дин Раск, пост советника президента по национальной безопасности занимает один из главных идеологов активизации политики США в «третьем мире» Уильям Ростоу, кресло министра обороны занимает Роберт Макнамара, объявивший войну коммунизму на периферии международной системы.

Основополагающие принципы своей внешнеполитической концепции Дж. Кеннеди озвучивает 30 января 1961 г. в обращении к Конгрессу «О положении в стране». Новое видение внешней политики США базировалось на трёх основных принципах: укрепление военной мощи, укрепление экономических возможностей, усовершенствование политических и дипломатических средств.

Вскоре после прихода в Белый дом, президент Кеннеди чётко обозначил отход новой администрации от ближневосточной политики Эйзенхауэра. «Сегодня арабский мир – это серьёзная, не зависящая и от русских, и от Запада сила. Найти общий язык с силами панарабизма, перевести наши отношения на язык экономики – вот текущая цель Соединённых Штатов»⁵⁴. Конкретным содержанием американская внешнеполитическая стратегия на периферии наполнилась после выхода 13 февраля 1961 г. статьи У. Ростоу «Новое видение в мировой политике США», опубликованной в журнале «Ю.С. ньюс энд Уорлд рипорт».

Для эффективного проведения нового ближневосточного курса США администрация Кеннеди предпринимает кадровое обновление ключевых постов Госдепартамента на ближневосточном направлении. В его структуру с поста

⁵² A b d u l g h a n i J.M. Iraq and Iran: The Years of Crisis. Baltimore, 1984, p. 13.

⁵³ FRUS, vol. XII, Near East Region, pp. 526, 529.

⁵⁴ K e n n e d y J. Strategy of Peace. N.Y., 1960, pp. 217–219.

президента Американского университета в Каире приходит специалист по проблемам Ближнего Востока Джон Бэдоу. Ведущие специалисты СНБ по вопросам ближневосточного региона начинают работу над «Стратегией действий США на Ближнем Востоке». Параллельно с ними, новый госсекретарь Дин Раск и директор департамента Ближнего Востока и Южной Азии Ф. Тэлбот выдвигают инициативу сбалансированного подхода США к проблемам Ближнего Востока. Основой мыслью программы Раска – Тэлбота было поддержание любых разночтений в диалоге Москвы и Каира, Москвы и Багдада, а также использование политических амбиций лидеров Египта и Ирака с целью подрыва базы их отношений с СССР⁵⁵.

* * *

Анализ действий администрации Д. Эйзенхауэра на Ближнем Востоке в 1958–1960 гг. и первых шагов администрации Кеннеди в 1961 г. позволяет сделать следующие выводы.

Иракская революция 14 июля 1958 г. стала важной вехой в истории региона Ближнего Востока и зоны Персидского залива. Став «незапланированным фактором» для правящих кругов Вашингтона, революция в Ираке поставила перед руководством США ряд вопросов (от концептуальных до конкретно политических), от успешности решения которых зависел не только политический ландшафт всего региона, но и расклад сил между США и СССР на периферии биполярной системы.

Встретив в лице касемовского Ирака качественно новые по своей сути угрозы и вызовы, республиканская администрация столкнулась с очевидными трудностями в выработке чёткой линии в отношении режима Касема. Сложное сочетание внутривосточных проблем Ирака, усиление влияния на Багдад насеровских настроений, а также начало активного сотрудничества правительства Касема с Москвой оставляли администрации Эйзенхауэра мало пространства для политического манёвра. Борьба правительства Касема с внутренней оппозицией и череда политических кризисов, крупнейшим из которых стало «киркукское восстание», сводили к нулю попытки американской администрации поддержать альтернативные Касему политические фигуры. Усугубляло ситуацию отсутствие чёткого видения природы режима Касема, что в конечном итоге приводило к некорректным выводам относительно перспектив сотрудничества или конфронтации с касемовским Ираком.

Спустя два года после свершения революции 1958 г., не добившись заметных успехов в отношении режима генерала Касема, республиканская администрация решила, по сути, самоустраниться от решения «иракской проблемы», дожидаясь падения из-за внутренних трудностей враждебного США режима. Реальными ограничителями для действий США в ситуации с Ираком являлась и явная поддержка СССР, оказываемая правительству Касема.

Как показал анализ курса администрации Эйзенхауэра в 1958–1960 гг., не найдя эффективного подхода к разрешению «иракской проблемы», Вашингтон

⁵⁵ Little D. The New Frontier on the Nile: JFK, Nasser and the Arab Nationalism. – «Journal of American History», vol. 75, № 2, September 1988, p. 505.

делает выбор в пользу поддержания своих традиционных региональных партнёров на Ближнем Востоке, так называемого «консервативного лагеря» – Ирана, Иордании, Саудовской Аравии. При всей динамичности развития политических процессов на Ближнем Востоке и в зоне Персидского залива, усиления позиций сил арабского национализма и Советского Союза, опора на страны «консервативного лагеря» гарантировала США спокойствие «тыла» в борьбе с СССР за регион.

Вместе с тем, внешнеполитический курс США в этом регионе требовал безусловной модернизации как на концептуальном уровне, так и на уровне политико-дипломатического инструментария. Приход в январе 1961 г. к власти новой администрации во главе с демократом Дж. Кеннеди, продемонстрировал начало использования руководством США нового рычага внешнеполитической деятельности, нашедшего форму в так называемой «доктрине новых рубежей». Дифференцированный подход к политическим явлениям на периферии биполярной системы, продемонстрированный командой Кеннеди, уже с первых шагов администрации демократов, привёл к заметной активизации курса США на Ближнем Востоке и в зоне Персидского залива.

В этих условиях «иракская проблема» и перспективы налаживания отношений с режимом Касема стали представляться в Соединённых Штатах в несколько ином свете. С начала 1960-х годов США выстраивают в регионе Ближнего Востока и зоне Персидского залива качественно новую архитектуру собственных политических и экономических приоритетов.